

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЕЛЬЕТОН Н. А. НЕКРАСОВА

«Теория бильярдной игры» и Новый Поэт»

(Фельетон)¹

На днях вышла новая книга под названием: теория бильярдной игры (*Руководство для желающих сделаться первоклассными игроками. С таблицей чертежей. Спб., 1847*).

Я читал ее, когда забежал ко мне Новый Поэт... Он вырвал у меня книгу и сказал торжественно: «Знаешь ли ты, какую книгу держишь в руках? Понимаешь ли всю важность великих тайн, открываемых в ней?»

— Не понимаю, отвечал я.— Впрочем, кажется, она составлена не дурно.

— А чертежи?

— Хороши.

— И только?.. Ты не должен писать о ней!.. мне, воскликнул он вдохновенно: — мне надлежит объяснить миру сокрытые в ней тайны... Я одив обладаю правом писать о такой книге... Рожденный в бильярдной, под бильярдом провел я нежнейшие годы моего детства... На бильярде оставил я все свое состояние... Бильярд был моей школой, моей радостью и моим черным демоном... Вы, простые смертные, смотрите на бильярд, как на доску, обитую зеленым сукном; для меня бильярд — целый мир, кипящий жизнью и страстями... И я знаю его судорожную жизнь, его страсти; как живые — передо мной ежеминутно его жертвы и его герои... да! знаешь ли ты, что такое бильярдные герои?..

— Нет, не знаю...

— Не знаешь?... А я...

И тут у него налились глаза кровью, и он начал декламировать:

О вы, герои билиярда!
Я славно знал когда-то вас
И в исступлении азарта
Спасал от голоду не раз.
Мне в ваших лиц зелено-бледных,
Ни ваших вдохновенных шток,
Ни сертуков богато-бедных,
Жилетов пестрых, красных брюк,
Волос ненатурально редких
И рук художественно метких
Забуть в сей жизни не дано,
Затем, что было суждено
Мне много лет стезею вашей

¹ «Современник», 1847, № 11. Отдел «Смесь», Современные заметки, стр. 108—113.

С кием в руке и с полной чашей
Пройти...

— Как, неужели ты был бильярдным шулером? — прервал я его с удивлением. Он обиделся...

— За кого ты меня принимаешь? — сказал он. — Нет, я только знал всех лучших шулеров; они горды и осторожны, их сердца неприступны, но я был принят и обласкан ими, как родной... да то ли я еще знаю?... Я знал тех посетителей трактиров,

Которым за стакан клико
В разгаре грязных вакханалий
Плескали в рожу... Глубоко
Сначала чувство оскорблялось,
Но постепенно примирялось
И примирилось наконец.
Я стал такой же молодец,
И пляска гаеров бесстыдных
Под градом плоскостей обидных
Меня смешила — и не раз
В чаду вина, в припадке скуки
Я унижительные муки
И сам придумывал для вас —
О, вы, наследники прямые
Шутов почтенной старины,
Которых рожи расписные
И прибаутки площадные
Так были бешено смешны,
И без которых и доселе,
В сей сильно просвещенный век,
.....
Не весел русский человек!...

— Помилуй, — сказал я, выслушав импровизацию Нового Поэта: — что с тобой сделалось? Ты на себя не похож... Стих твой был величествен, сам ты делил слова на «подлые» и «благородные» и избегал первых как огня... А теперь — «грязь, рожа...» помилуй! я никак от тебя не ожидал такого превращения...

— К черту щепетильность и чопорность! — отвечал поэт. — На днях я прочел Измайлова и — пусть извинят меня щепетильные уши, — нашел, что если уж подражать, так подражать ему... слова все хороши, если выражают мысль, и я еще не так тебя изумлю...

— Чем же ты хочешь меня изумить?

— А вот... чтоб показать тебе всю высокую важность книги, которую ты, профан, держишь в руках, я хочу представить тебе несколько поразительных картин. Вообрази себе русский трактир.... Я на днях был в таком трактире. На лестнице нечистота, в первой комнате чад, духота, тут бегали половые с чайниками, сталкивались мещане в сибирках, проходившие в кухню закурить трубку, а на первом плане красовался чернобородый и тучный буфетчик².

Среди гусей, окороков, индеек
Он заседал, бородкой шевеля,
И знали все: крал двадцать пять копеек
Неотразимо с каждого рубля.
Хозяин сам, копеечный купчишка,

² Здесь и в стихах разрядкой выделен текст, являющийся перифразом отрывка из романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

Облопавшись настойки и трески,
Говаривал: «Ведь знаю, что воринка,
Да дело, варвар, знает мастерски!»

Поэт остановился, и пока он переводил дух, я думал о том, радуется ли тень Измайлова, слушая стихи?... Поэт продолжал:

— В остальных комнатах, как известно: гардины, в которых не только ночуют, но и вечно живут тучи, только не золотые, а серые, пасмурные, зловещие... столы, видно, очень хорошие, потому что покрыты, для сбережения, темноватой дерюгой, солонка, перешница, полоскательная чашка; на стенах картины, известно какие... Словом, все, как следует...

Но хоть сия российская таверна
Смотрела не приветно, даже скверно,
А видно в ней дышалось легко...
Сюда бежал подъячий необритый,
Пропахнувший сивухой глубоко,
Прожорливый и никогда не сытый...
Сюда являлся господин в усах,
С израненным, великолепным носом,
В весьма широких плисовых штанах,
В архалукe, подбитом мериносом,
Обшитом бранденбурами.— Кидал
Сей господин с надменностью нелепой
Взгляд на слугу презрительно свирепой
И «Ну, болван, вчерашнюю!» кричал...
Сюда являлся фокусник голодный,
Родной земли цветущие поля
Покинувший

На срок прощался с матерью-старухой,
С невестою, сей тощий сын нужды,
Но погасил российскою сивухой
В груди давно немецкие мечты.
(А в старину ему мечтались живо
Объятия хорошенькой жены,
Колпак, халат, душистый кнастер, пиво
И прочие филистерские сны)....
Смиренно век в трактирах доживая,
Он в сертучишке нанковом ходил,
И русский и родной язык ломая,
Трактирную юманию смешил...
Не оскорблялся он названьем цапли,
И если рюмку кто ему давал,
Он, выпив *содержимое* до капли,
С поклоном *содержащее* съедал...

— Но к чему ж ведет такое длинное вступление? — спросил я, желая поскорей подвинуть дело к концу...

— А вот к чему, — отвечал поэт. — Тут же, обыкновенно в стороне, есть комната грязная, запачканная, со скамейками по стенам, с четырьмя лампами или просто свечами над бильярдом. Тут-то настоящий вертеп... Стройно расставлены кии, орудие счастья для одних, для других орудие гибели... Черная доска испещрена цифрами и черточками, означающими куши и партии, и маркер крепко держит в руках два «куша», отданные ему недоверчивыми соперниками до решения боя... Кому достанутся куши?... Вот соперники, один высок и бледен, другой мал ростом, но крепок и плотен: на лице его спокойная уверенность, тогда как высокий, видимо,

борется с мучительным страхом... Зрители смотрят с напряженным вниманием, кий стучит, роковой желтый шар, покопченный для отличия от белых на свечке, бежит, прискакивая, ударяется о борт, опять бежит, сталкивается с красным шаром, снова бежит и падает, падает в среднюю лузу... Смертная бледность покрывает лицо высокого. — «Несчастный! Отчего проиграл ты?... Ты сделал красного, но собственный твой шар выскочил за борт, и соперник твой воспользовался плодами твоего удара... Потом ты сделал кикс... Потом подставил... Несчастный! Знаешь ли ты, когда бьешь, куда пойдет и где остановится твой шар?... Знаешь ли ты, как нужно бить, чтоб шар не выскакивал?... А кикс?... Ты поминутно меняешь свой кий, но не в недостатке меду на кончике кия тайна твоего кикса — она в твоём невежестве!... Но ты винишь счастье, надеешься, играешь и снова проигрываешь... Таким образом ты лишаешься всего...

Поэт перевел дух и продолжал:

— Теперь, любезный друг, вообрази себе порядочный ресторан... Чистый буфет... освещенная газом бильярдная...

И, описав ресторан, он принялся рисовать мне картину, подобную первой. Но я остановил его, уверив, что мне случалось видеть такие сцены...

— Ну, так я заключу коротко, сказал он: — везде — и в мрачной бильярдной грязного трактира, и в бильярдной великолепного ресторана непонимание основных законов бильярдной игры ведет — к проигрышу! Как бы умен ни был человек, какие бы старания ни прилагал он в игре и как бы гениальны ни были его бильярдные способности, — он не может сделаться первоклассным игроком при помощи одной сметливости и навыка. В бильярде, как и во всем, есть своя азбука, своя грамматика, которая должна быть положена в основание прочному знанию... Согласен?

— Совершенно...

— Ну, так пойми же теперь всю важность книги, которую ты держишь в руках... Тысячи несчастных проигрывают и разоряются, а отчего? Не от недостатка ловкости, а оттого, что слишком полагаются на природные способности и пренебрегают теорией... Тут, как видишь, повторяется наша всегдашняя история...

— Вишь куда метнул! Да ведь кажется у нас до ныне не было и книги, из которой можно было бы научиться теории бильярдной игры?

— Была когда-то, очень давно, да с тех пор в области бильярдной игры сделаны исполинские шаги вперед... Прочти новую «Теорию» — право, полюбишь бильярд.

— Нет, ты лучше расскажи мне, в чем она заключается.

И приятель мой как будто ждал такого вызова: с чрезвычайною подробностью начал он излагать мне содержание книги, читал из нее целые главы, перевозносил ее похвалами и наконец воскликнул:

— Я не встречал трактата об игре, который был бы составлен с большим искусством, тщательностью, обдуманностью...

— И грамотностью, прибавил я, совершенно убежденный выдержками, которые прочел мне новый поэт, что книга написана прекрасным языком.

Поэт ушел, взяв с меня слово представить на суд публики его мнение о новой «Теории бильярдной игры»... Когда он уходил, я сказал ему:

— Скажи пожалуйста, что с тобой сделалось? Я все не могу притти в себя от твоих сегодняшних стихов... Куда девались возвышенные чувства? где великие личности, которые избирал ты прежде в герои своих поэм?

— Возвышенные чувства! великие личности! — отвечал он презрительно. — Недаром я ходил в старину в школу: я знаю, что на свете много было разнородных героев, знаю даже, как зовут некоторых из них и что они сделали... да только я-то живу в мире купеческих сынков, губернских и разных секретарей, бильярдных игроков, самолюбивых сочинителей и актеров, промышленников и спекуляторов, зубных врачей и мазуриков, — я сам и сочинитель, и спекулятор и... (тут он запнулся)... Какое

ж мне дело до великих личностей, до героев?... Сказать ли правду, я даже перестал верить, чтоб они существовали когда-нибудь... Чужды мне их нравы, взгляды и убеждения. Глух я на голос того чувства, которое вело их на опасность и явную смерть... Дико и недоверчиво отзываются в ушах моих слова негодования, лившиеся из уст их при виде нечестивого, впрочем обещающего прибыль дела, и вчуже протягивается рука моя к подкупающему золотому мешку, от которого с презрением отворачиваются они, нерасчетливые герои... Вчуже мурашки пробегают у меня по коже, когда говорят они правду, за которую может достаться, вместо лжи, которую можно выиграть... Какую пользу извлеку я из их примеров? Для чего стану передавать их деяния, никому не нужные?... Я простился с ними и никогда к ним не возвращусь:

Затем, что мне в трактире бьющий стекла
Купеческий сынок в пятнадцать лет
В сто тысяч раз важнее Фемистокла
И всех его торжественных побед!...

— Еще человек погиб — подумал я...

* * *

Публикуемый фельетон «Теория бильярдной игры» и Новый Поэт» был напечатан в 1847 г. анонимно в 11-м номере некрасовского «Современника».

Известно, что на протяжении 1847 г. Некрасов выступает не только как издатель и редактор «Современника», но и как автор целого ряда стихотворений и рецензий, помещаемых в этом журнале (стихотворения «Тройка», «Псовая охота», «Нравственный человек», «Еду ли ночью по улице темной», «Если мучимый страстью мятежной»; критико-публицистические заметки и рецензии в №№ 4, 7, 8³). По словам самого Некрасова, в этом году он писал и публиковал на страницах журнала также и фельетоны.

В письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину (май 1869 г.) Некрасов так характеризует свою редакторско-издательскую работу в первый год существования нового «Современника»: «...вся, так сказать, черновая работа по журналу: чтение и исправление рукописей, а также и добывание их, чтение корректур, объяснение с цензорами, восстановление смысла и связи в статьях <...> лежали на мне, да я еще писал рецензии и фельетоны»⁴.

До последнего времени не было установлено, какие из фельетонов «Современника» 1847 года принадлежат перу Некрасова. Атрибуция заново публикуемого нами фельетона Некрасову устанавливается на основании целого ряда фактов.

Особенность реалистической манеры Некрасова-фельетониста состоит в том, что для своих фельетонов он старался отбирать из повседневности такие факты, которые сами по себе, даже будучи порой изображены не в форме гротеска, могли не только насмешить читателя, но и заставить его задуматься, возбудить критическое отношение к описываемому. В ряде случаев фельетоны Некрасова переключаются с «фельетонной» по стилю некрасовской литературной критикой, с теми рецензиями, которые Белинский называл «превосходными», написанными «с таким мастерством — что читать наслаждение и удивление».

В 40-е гг. фельетон в журнальном обиходе еще не облекся в приобретенные им позднее жанровые формы, зачастую приравнивался к обычной газетной статье. Журналисты реакционно-охранительного направления намеренно сглаживали остроту этого действительного художественно-публицистического жанра, вводя под его рубрику библиографические заметки и всякого рода «смесь». Заслуга Некрасова в том, что своими фельетонами он способствовал тенденции к превращению фельетона в сатирический жанр, к обогащению его художественными красками, к освещению изображаемых в нем событий с точки зрения демократически настроенного читателя. Некрасовский фельетон, наряду с фактографичностью, узаконивает для этого жанра сатирическую направленность, юмористическое звучание. Кроме того, некрасовские фельетоны отличаются сильно выраженной тенденцией к повествовательности, к сюжетности.

Эти художественные особенности некрасовских фельетонов в значительной степени характерны и для фельетона «Теория бильярдной игры» и Новый Поэт».

В 1847 г. фельетоны «Современника» печатаются в одном из его ведущих отделов — «Смесь». Некрасов как автор участвовал в «Смеси» наряду с И. И. Панаевым, чье участие выражалось в публикации стихотворных фельетонов и пародий, подпи-

³ Н. А. Некрасов, Полное собр. соч. и писем в 12 томах, Гослитиздат, М., т. IX, 1950, стр. 164, 180, 184, 549.

⁴ Там же, т. XI, 1952, стр. 133—134. (Разрядка наша.— А. К.).

санных псевдонимом Новый Поэт. Под этой маской поэта «чистого искусства», «человека благовоспитанного и благонамеренного», эстета и фразера И. И. Панаев в 1847 г. вышучивал трагедии, написанные высокопарными виршами, и «мечтательную» поэзию современных эпигонов. Фельетоны для «Смеси» Панаев писал и в прозе (как правило от имени Нового Поэта).

В отдельных случаях трудно сразу и безошибочно установить, кому принадлежат в «Смеси» тот или иной фельетон, та или иная народня, подписанные именем Нового Поэта или напечатанные анонимно — Некрасову или Панаеву. В № 4, например, среди стихотворений Нового Поэта попадает и некрасовское «В один трактир они оба ходили прилежно»⁵. Но такие случаи являются в «Современнике» 1847 г. исключением.

Фельетон «Теория бильярдной игры» и Новый Поэт отличается от панаевских как по содержанию (в 1847 г. Панаев писал фельетоны, посвященные почти исключительно литературно-журнальным темам), так и, в значительной степени, по стилю. Повествование ведется не от имени Нового Поэта, и хотя тот действует в фельетоне на переднем плане, выступая и как автор стихов, однако издатель журнала не скрыли, что фельетонистом здесь придуман прием использования чужого псевдонима. В следующем, 12-м номере «Современника» появилось юмористическое, написанное в обычном панаевском стиле «Письмо Нового Поэта к издателям «Современника», в котором Новый Поэт объявляет, что вышеупомянутый фельетон принадлежит другому автору, осмелившемуся стихи на низкую тему приписать ему, Новому Поэту, чья нога «не была ни в одном русском трактире». Сами же стихи, вошедшие в текст фельетона (о черпобородом и тучном буфетчике, о посетителях трактира и пр.), являются вариацией на текст романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (из отрывка, относящегося ко второму варианту романа и рассказывающего о пребывании Агаша и Ванюхи в трактире).

Стоит, для примера, сравнить некоторые фразы из этого отрывка с фельетонными стихами.

В рукописи романа читаем:

«Вошел в первую комнату, Агаша увидела несколько окороков и других разных мяс, пирогов и тому подобных съестных припасов <...> за прилавком стоял жирный буфетчик в рубахе и в фартуке, с черной окладистой бородой, тщательно округленной, а у прилавка толпились несколько человек разного рода, но приведенных сюда одинакими наклонностями: ... какой-то отчаянный усач в венгерке с брандбурами, подбитой ранжевым мерпосом; франт, как видно, только что раненный в нос, который у него был залеплен хлопчатой бумагой, выдернутой из рукава венгерки, и сквозь которую проступала кровь; <...> фокусник в сером нанковом сюртуке, с немецкой физиономией (...); когда <...> он, выпив поднесенную ему кем-то рюмку водки, разжевал и проглотил хрусталь, — все вмиг проникнувшись к нему глубочайшим уважением и стали просить, чтобы он повторил свой фокус, от чего пьяный немец не отказывался...»⁶.

Соответствующие этому отрывку стихи выделены нами в тексте фельетона разрядкой.

В указанном отрывке из романа действует, кроме того, «небритый господин», коллежский регистратор, «выгнанный из службы за пьянство и воровство» и зарабатывающий на водку составлением прошений для трактирных посетителей и другими средствами. В соответствии с этим, в фельетонных стихах упоминается о «подьячем необортом, пропахнушем сивухой глубоко».

Фельетон «Теория бильярдной игры» и Новый Поэт написан по типу развернутой беллетризованной рецензии. Его первый абзац не отличается по стилю от обычной критической заметки. Использовать форму рецензии для фельетона мог скорее Некрасов, не прекращавший в 1847 г. «писать критику», нежели Панаев, который не писал рецензий.

В фельетоне использован прием комической патетики; именно так описана бильярдная игра. В аналогичном духе Некрасов высмеивает чиновников за их пристрастие к карточной игре в фельетоне «Преферанс и солнце» (1844). Иронический дифирамб преферансу в этом фельетоне чрезвычайно близок по стилистической манере к патетически восторженным речам Нового Поэта о бильярде⁷.

Некоторые фразы из фельетона и из романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», над которым писатель работал в 1847 г., сходны и в синтаксическом отношении и характерны для стиля Некрасова этого периода. На первое место в предложении Некрасов нередко ставит обстоятельственное слово (или иной грамматический член), несущее основную экспрессивно-смысловую нагрузку. Приведем примеры.

⁵ Кстати, тоже на «трактирную» тему, как и стихи публикуемого нами фельетона.

⁶ Н. А. Некрасов, Полное собр. соч. и писем, т. VI, 1950, стр. 281—282.

⁷ К подобной манере Некрасов прибегает неоднократно и в других произведениях, в частности, в фельетонах, описывая, например, помещичьи псовые охоты, плохие водевили и другие незамысловатые способы развлечения, пользовавшиеся успехом у обывателя.

В романе:

«Равнодушно ... проходил он мимо нищего...»

«...насмешливо, чуть не презрительно выслушивал он разные истории...»

«Ненавистна становится мне жизнь...»

«хладнокровно останавливает меня Никита...»⁸.

В фельетоне:

«Чужды мне их нравы, взгляды и убеждения».

«Дико и недоверчиво отзываются в ушах моих слова негодования...».

В романе о Тростникове и в фельетоне (как в стихах, так и в прозаических кусках) сходны между собою по построению и отдельные фразы в аналогичных описаниях.

При описании бильярдной в первом варианте романа:

«Тут был и тот молодой рябоватый человек <...>; тут был и тот невысокий, кругленький человек в коричневом пальто <...>; тут был и задумчивый друг его <...>; тут были и те два юноши <...>; тут был высокий, стройный актер <...>; тут был фронт чрезвычайно красивой наружности <...>; наконец тут были несколько сухих, подозрительных лиц...»⁹.

При описании трактира с бильярдной в фельетоне:

«...тут бегали половые...»

Сюда бежал подъячий необритый...»

Сюда являлся господин в усах...»

Сюда являлся фокусник голодный...»

Иногда в романе и фельетоне встречаются одни и те же фразеологические обороты. Например:

«Смелей протягивается рука моя...»¹⁰ («Тростников»).

«...вжуже протягивается рука моя к подкупающему «золотому мешку...» («Теория бильярдной игры» и Новый Поэт»). (Разрядка наша.— А. К.)

Нельзя не заметить прямой переклички некоторых фраз фельетона о «Теории бильярдной игры» с текстом фельетона «Петербург и петербургские дачи». Персонаж второго из упомянутых фельетонов, Семен Иванович «в бильярде видел (...) не простое произведение рук человеческих <...>. Это зеленое пространство, с ловушками по всем концам и посередине, называл он — *светом*; в этих суесящихся, стучащих, степенно идущих и безумно бегущих шарах старающихся загнать друг друга в яму,— видел он верное отражение *людей*, с их страстями и всеми волнениями; наконец в этих случайностях выигрыша и проигрыша, в этих поворотах счастья и несчастья и во всем, что ни делается на бильярде, он видел *жизнь*, настоящую, действительную жизнь,— жизнь как она есть»¹¹.

В публикуемом нами фельетоне Новый Поэт восклицает: «Вы, простые смертные, смотрите на бильярд, как на доску, обитую зеленым сукном; для меня бильярд — целый мир, кипящий жизнью и страстями... И я знаю его судорожную жизнь, его страсти: как живые — передо мной ежеминутно его жертвы и его герои...»

Таким образом, писательская манера, стиль, синтаксические и фразеологические переклички — все это указывает на принадлежность фельетона «Теория бильярдной игры» и Новый Поэт» перу Н. А. Некрасова.

А. Ф. Крошкин

⁸ Н. А. Некрасов, Полное собр. соч. и писем, т. VI, 1950, стр. 264—266.

⁹ Там же, стр. 169—170.

¹⁰ Там же, стр. 266.

¹¹ Там же, т. V, 1949, стр. 452.